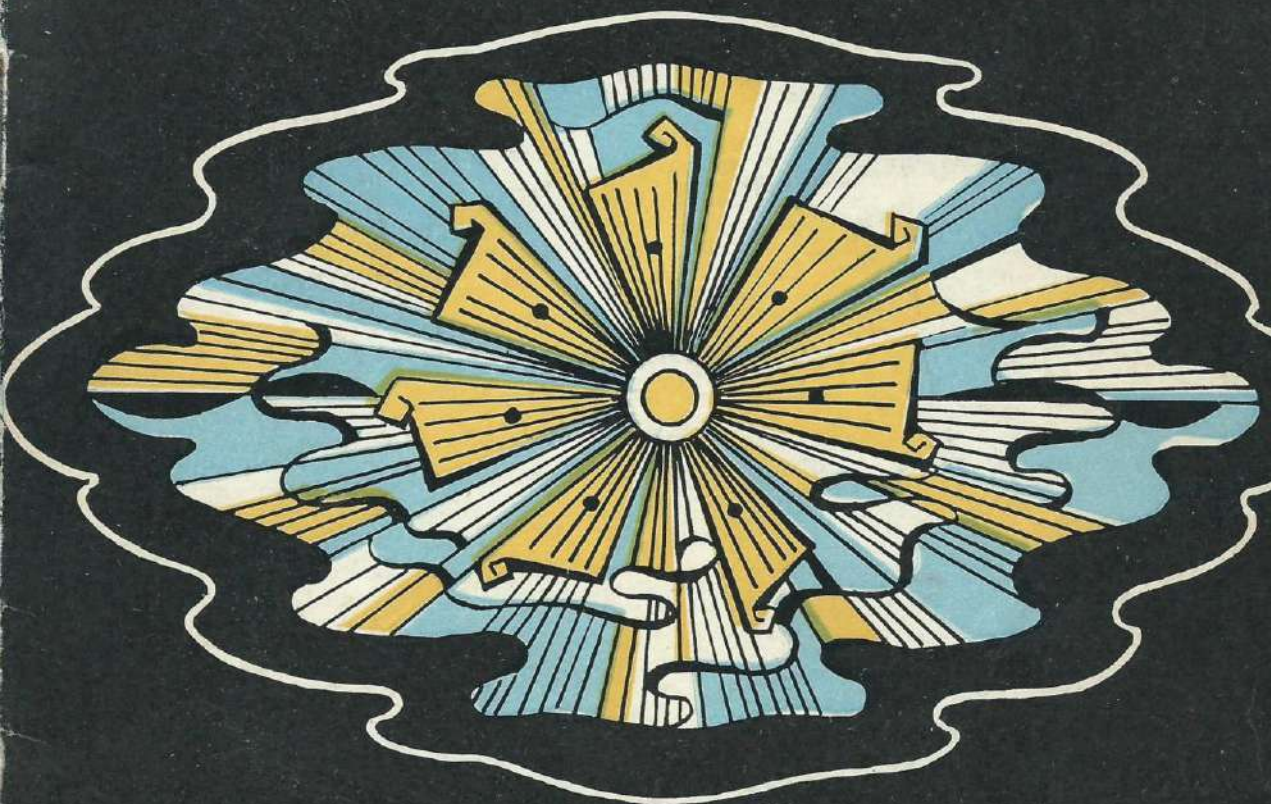

Максим Гаврилов

ПОД
МУЗЫКУ
СЕВЕРНЫХ
РУН

ГРУППА ВКОНТАКТЕ

Карельская
литература
в цитатах

85.23(2P—6K)

Г 12

Литературная обработка Э. А. Копылова
Рецензент — В. В. Халп

4905000000—105

Г М127(03)—82 83—82

© «Карелия», 1982.

ОБ АВТОРЕ

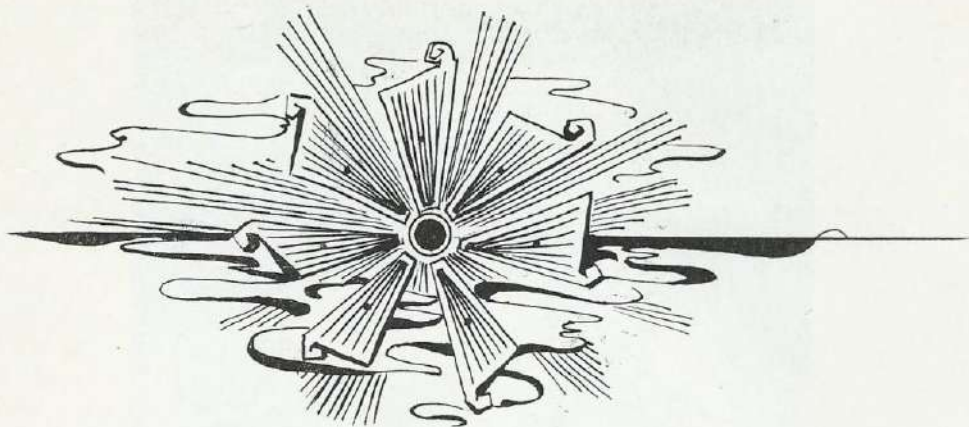
Заслуженный артист РСФСР и Карельской АССР Максим Гаврилов — старейшина ансамбля «Кантеле». Более четырех десятилетий не расстается он со своим инструментом. Кантеле в его руках — вещь, проникновенное.

Услышал я ранней порою
В напеве серебряных струн
Звон сосен, роняющих хвою
Под музыку северных рун.

Так обычно начинает он свое выступление. Высокая мера требовательности к себе, ответственности перед зрительным залом была и остается определяющей чертой в его жизни.

Максим Гаврилов — автор многих музыкальных произведений и обработок для сольного исполнения на кантеле. Зрители знают Максима Гаврилова и как танцора и чтеца.

Многие годы Максим Гаврилов ведет дневник — летопись ансамбля. Это и хронология факта, и разговор с самим собой, и попытка осмыслить время, дорогу в искусстве — свою и своих товарищей. Дневниковые записи и послужили основой этих воспоминаний.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СУДЬБЕ

«У каждого народа своя музыка». Не помню, чьи это слова, но сказано точно. И еще: музыка, если она передает дух народа, если есть в ней мелодия, перестает быть достоянием лишь какой-то одной географической среды. Тогда мы говорим о популярности, об интернациональности музыки.

Узнаваемость музыки. Она открывалась мне в жизни не раз, с самого детства...

В 1937 году я работал культмассовиком в Кандалякше. Приехали к нам выступать артисты из Петрозаводска, ансамбль «Кантеле», как говорилось в афише. Слово такое я уже слышал мимоходом, а вот как звучит инструмент этот, ведаю не ведал. Сажу на лавочке в клубе, гляжу на сцену. Несколько человек держат на коленях не то сундучки какие, не то короба. Пальцы совсем незаметно для глаза перебирают струны — и льется тихая светлая музыка. Но что это? Удивительно похоже на песню моей матери, которая так напевала, качая колыбель младших братьев и сестер. «Уж вет-

ры стихли, соснам — думать, озерам — спать...» Волшебные струны, волшебные строки. И вдруг — круговерть: «Тупицынская кадрили». Душа так и рвется в пляс. Я заморожен. А что, если и мне стать музыкантом?! Эта шальная мысль крепко засела в голове.

...Родная деревня Княжая губа с сотней дворов, будто вросших в каменистый берег Белого моря, растаяла в дымке. Отец, потомственный рыбак, крестьянин, на прощанье разворчался: «Ну что это за работа — артист! Вот если бы в сапожники или в бухгалтера — и тепло и денежно...» На отца я, понятно, не обижался.

Со стареньким фанерным чемоданом домашнего изготовления очутился я в Петрозаводске. С тех пор вся моя жизнь связана с кантеле.

Никогда не забуду первые изурительные уроки. Я тогда незнаком был с нотной грамотой, не знал расположения струн и многого другого, без чего немислима работа музыканта. То, что я умел «выжать»

из полубаяна в Княжой, здесь в счет не шло. Учебных заведений для кантелиста — никаких, всю науку приходилось постигать в ансамбле.

Но мне повезло: моим учителем был Виктор Пантелеймонович Гудков, блестящий знаток кантеле, усовершенствовавший этот инструмент, основатель ансамбля кантелистов. Через полгода он разрешил мне сесть в оркестр и пробовать играть...

На первом концерте меня сразу ослепили прожектора. Я беспомощно царапал струны, играл в паузах, а Гудков, дирижируя, смотрел через очки и сердился. Чуть было это выступление не стало последним в моей творческой жизни...

Да что я все о себе! Мне давно хочется поделиться своими мыслями об ансамбле «Кантеле», ставшем для меня и моих товарищей по искусству и домом родным, и судьбою.

НАСЛЕДНИКИ ВЯЙНЯМЕЙНЕНА

Легендарный герой «Калевалы» Вяйнямейнен касался струн кантеле — и все вокруг приходило в движение:

Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликуют,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хрящ на волнах закачался;
Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах.

Кантелисты Карелии считают себя наследниками Вяйнямейнена. К этому я еще вернусь в своем рассказе.

Карелия издавна славилась своими рунами, былинами, песнями,

сказками. Руны карельского народа носят эпический, повествовательный характер. В них отражена материальная и духовная жизнь карельского народа. Рунопевцы под аккомпанемент кантеле воспевали подвиги сынов Калевалы — Вяйнямейнена, Илмаринена, Лемминкяйнена.

Бытование кантеле известно с давних времен. По предположению карельского фольклориста В. Я. Евсеева, название этого музыкального инструмента происходит от слова «канси» (крышка). Другие склонны вести происхождение этого слова от «кантаа» (носить) или «канто» (пень). Кантеле было очень популярно в народе. Под него пели и танцевали. Под мелодичные звуки кантеле рождался новый человек. Этот инструмент занимал почетное место на деревенских свадьбах и посиделках.

Кантеле дошло до наших дней, и с годами интерес к нему возрастает.

В начале 30-х годов Карелия благодарно произносила имя Ивана Лебедева. Это он, житель деревни Чуккойла Пряжинского района, бережно донес до нас не легенду о кантеле, а живое звучание инструмента. Он был одним из первых участников ансамбля. О том, как делали кантеле, Иван Иванович говорил так: «Мы выдалбливали короб из куска дерева, приколачивали к нему деку и сверлили на ней три-четыре отверстия — для звонкости. Потом для придания нужного цвета держали короб над медленным огнем в деревенской бане, натягивали 8—10 металлических струн — и готова музыка».

Иван Лебедев вместе со Степаном Тупицыным играли кадрили и «песни сердечные». Встреча с эти-

В. П. Гудков — основатель ансамбля «Кантеле»

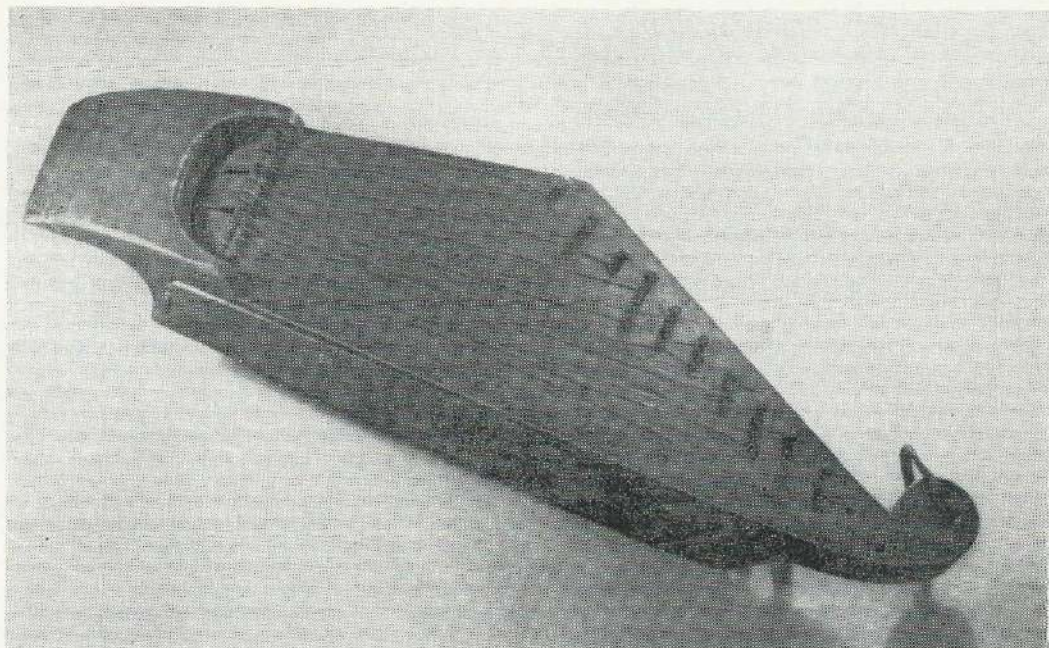
ми самородками многое дала Виктору Пантелеймоновичу Гудкову, сотруднику фольклорной секции Научно-исследовательского института культуры, проявлявшему глубокий интерес к народному музыкальному, песенному и танцевальному искусству края. «Сверкая драгоценными камнями самобытной народной фантазии, — писал он, — и в то же время правдиво отражая в себе жизнь и быт народа на протяжении ряда эпох, лучшие образцы карельского фольклора очаровывают всякого, кто наделен хотя бы малой долей художественного чутья».

Виктор Пантелеймонович часто выезжал в самые отдаленные уголки Карелии для сбора поэтического и музыкального фольклора. В 1932 году он вместе с композитором Н. Н. Леви буквально исколесил южные районы республики, отыскивая россыпи народного творчества. Все пристальнее приглядывается

фольклорист к старинному кантеле, слушает его серебряное звучание в умелых руках народных исполнителей, и его все больше увлекает идея — улучшить внешний вид кантеле и расцветить его звучание, превратить простенький короб в профессиональный инструмент. Не имея необходимых специальных знаний, он страстно добивается осуществления задуманного — рассчитывает, вымеряет, делает чертежи.

В небольшом деревянном доме на улице Луначарского в Петрозаводске однажды вечером долго не гасили свет. К хозяину дома Евдокиму Ефимовичу Ключину, краснодеревщику «Культпромартели», пришел художавый, болезненный с виду человек в очках, со свертком в руках. Это был Виктор Гудков. Поначалу он показался старому мастеру неуверенным, несколько странным, но вот разговор зашел о деле — и Гудкова словно подменили: заговорил он горячо, азартно. Показал маленькое самодельное кантеле, которое привез из одной фольклорной поездки, свои чертежи. «Сделаем?» Старый мастер, понимавший ответственность заказа, ответил: «Что ж, можно попробовать».

Позднее мне не раз доводилось бывать в доме Евдокима Ключина. Одна из комнат служила мастерской, здесь лежали струны и колки, нижние и верхние деки, на стенах, под потолком, поближе к круглой печке, сушились корпуса инструментов. Мастер говорил мне, что не так-то легко подобрать нужный материал для инструмента: то дека или колки не выдерживают натяжения струн, то искажается форма короба, а в результате — брак... Только через два года появились первые результаты. В руках В. П. Гуд-

На таком кантеле играл Иван Лебедев

кова был не виданный доселе по форме многострунный инструмент с хроматическим строем. Поиск, настойчивость, опыт победили. Родилось новое кантеле, с широкими музыкальными возможностями. В то же время инструмент сохранил специфические особенности старого кантеле: мягкость, лиричность, «серебристость» звучания.

Кто же будет играть на новых кантеле? Этот вопрос тоже занимал Гудкова. Он комплектовал из воспитанников детского дома, кружковцев Дворца пионеров и учащихся педагогического училища любительский кружок. Не было тогда школы игры на этом инструменте — ее создал Виктор Пантелеймонович. Он же был автором первых произведений — переложений для кантеле.

Долгими вечерами юноши и де-

вушки осваивали приемы игры, овладевали нотной грамотой. Кроме того, Гудков поставил перед кружковцами задачу — научиться и петь, и танцевать. Не всем это оказалось по плечу, многие отсеялись. Остался костяк энтузиастов, на который и опирался В. П. Гудков: Н. Кондратьева, К. Вильянен, А. Ходакова, Н. Федорова, В. Гапукова, М. Линдстрем, А. Хямяляйнен, позднее пришли А. Артамонов, В. Алимпиев, Н. Чернояров, Л. Каргулев и др.

Надо было видеть, с какой любовью и терпением воспитывал Гудков в своих питомцах любовь к музыке. Он учил людей и учился сам — у композиторов Н. Н. Леви и Л. Я. Теплицкого — композиции, гармонии, он изучал историю музыки. Часто занятия проходили на квартире Гудкова, в Закаменском пере-

улке. Ольга Николаевна, его жена, с радостью принимала кружковцев, перебираясь с детьми на кухню.

О Викторе Пантелеймоновиче я мог бы рассказывать долго. Он дирижировал оркестром, он был хорошим чтецом, он играл на цитре и окарине. Словом, это был всесторонне одаренный человек. Но больше всего его занимало кантеле.

Внешне Гудков скорее напоминал ученого, чем артиста: коротко остриженные волосы, сутуловатая осанка и постоянная серьезность и озабоченность.

Вскоре юные кантелисты, воспитанники Гудкова, стали появляться перед слушателями. Сначала это были концерты в школах Петрозаводска и в близлежащих селах. А в 1936 году кружковцев пригласили в Москву на первый Всесоюзный радиофестиваль. Кантеле прозвучало на всю страну. Это было актом признания. Это было рождением нового ансамбля. Уже в следующем году кантелисты выступали в Ленинграде как профессиональные артисты.

Ансамбль пополнился артистами. В репертуаре его появились песня и танец. И на смотре карельского искусства в Москве коллектив достойно представлял искусство своего народа. Об ансамбле заговорили, много писали тогда о его своеобразии и музыкальной выразительности. Вот несколько строк из газет того времени. «Ленинградская правда» в марте 1937 года писала: «На сцену выходит ансамбль кантелистов во главе с его организатором и дирижером В. Гудковым. С огромным вниманием зал вслушивается в незнакомое ему звучание старинных карельских инструментов, которое завоевывает всеобщее признание аудитории». Газета «Совет-

ское искусство» отмечала: «Участники ансамбля являются одновременно и музыкантами, и певцами, и танцорами. Выделяются оригинальностью и изяществом шуточный карельский танец «Ристу-пяре» (Н. Кондратьева) и местный народный танец «Так ткут сукно». А «Красная газета» добавляла: «Нужно всячески беречь и развивать это искусство, которое сегодня не в первый, но, надеемся, не в последний раз показал народ Советской Карелии».

Итак, если первый кружок кантелистов состоял из шести человек, то на Декаде карельского искусства в Ленинграде нас было уже семнадцать. А в 1940 году ансамбль насчитывал 25 человек. К этому времени относится первая запись в моем дневнике: «Кантелисты выступали на сцене филармонии. Зрители говорят: хорошо. Да и Я. М. Геншафт, наш дирижер, анализируя выступление, отметил положительные моменты: неплохую сыгранность, ансамбль, чувство ритма, умение передать нюансы».

А ДАЛЬШЕ ЧТО!

Работа, работа. Поиски. Из дневника: «26 мая 1941 года. Квартет кантеле занят в спектакле театра «Сокровище Сампо» Д. Щеглова. Репетицию начали в 8 вечера и кончили в 2 часа ночи. Музыку написал наш Вишкарев. Чувствуются северные интонации...»

Никто тогда не считался со временем — ни мы, артисты, ни композиторы. Хотелось многое успеть, как можно скорее создать свой репертуар.

В. П. Гудков, В. И. Кононов, Н. Н. Леви постоянно пополняют программу ансамбля карельским,

финским и вепским фольклорным материалом. На этой основе создают новые произведения композиторы К. Раутио, Р. Пергамент, Л. Йоусинен, Л. Теплицкий. Пришла к нам по-северному целомудренная «Карельская свадьба». Карл Эрикович Раутио чутко «подслушал» народные мелодии северной Карелии и изобретательно использовал их. «Свадьба» была многочастной и требовала от оркестрантов немалой виртуозности в медленных частях: надо было извлечь из инструмента максимум напевности.

Нелегко дались нам и финская сюита Л. Йоусинена и «Прелюдия для оркестра кантеле» Л. Теплицкого.

Всегда с волнением вспоминаю это замечательное время. Все мы были на подъеме, хотя подчас валялись с ног от усталости. На душе было светло и радостно, манили неведомые дали, перспектива казалась очень очень обнадеживающей.

Музыкальная копилка ансамбля пополнялась: «Карельская девичья песня», «Летний вечер» К. Раутио, «Песня радости» В. Гудкова, «Мил дружок» Р. Пергамента и... «Весна» Грига, «Лебедь» Сен-Санса. Да-да, мы «замахнулись» на классику. Мы становились все смелее: играли Чайковского, Шумана, Шуберта, Калининкова. Классика не противоречила творческой природе такого уникального инструмента как кантеле. Скорее наоборот — она обогащала его возможности, а наш инструмент, в свою очередь, придавал классическим произведениям только ему присущее очарование. Особенно это касалось сочинений Э. Грига. Наши оркестранты шутили, что Григ «специально писал музыку для кантеле».

Началась наша гастрольная дея-

тельность. В 1937—1938 и 1939 годах афиши «Кантеле» появились в Мурманске и Калининской области, в городах и поселках Белоруссии, Северного Кавказа и Дона. Сколько впечатлений, сколько радостных встреч со зрителями! Нередко эти встречи заканчивались творческим взаимообменом: мы оставляли записи песен и танцевальных мелодий Карелии, а с собой увозили фольклорный материал братских республик. Благодаря этому в нашей программе появились, в частности, белорусские танцы — «Крыжачок» и «Лявониha». А во время поездки по Кавказу кантелисты, аккомпанируя себе, тихо и очень лирично исполняли на русском и грузинском языках «Сулико». Можете представить себе, что творилось в зрительном зале! Кантеле — инструмент не очень звучный, но даже в последних рядах слышали каждый щипок наших струн. Слышали и вызывали на «бис».

И снова Москва. Концерт, посвященный открытию карельского павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. За 15 дней ансамбль выступил в столице нашей Родины и Московской области более 30 раз! Особенно тепло принимались танец «Так ткнут сукно», «Карельская колыбельная», которую очень проникновенно пела Настя Максимова, пьесы для кантеле, а «Тупицынская кадрили» была запечатлена на киноплёнку.

КАНТЕЛЕ СРАЖАЕТСЯ

Июнь 1941 года у артистов ансамбля совпал с отпуском. О том, что началась война, я узнал, когда отдыхал в родной деревне. На раз-

думье не было времени — возвращаюсь в Петрозаводск. По пути следования, в районе железнодорожных станций Лоухи, Кемь, Беломорск, увидел первые воронки от вражеских бомб... Петрозаводск не узнать — окна домов заклеены крест накрест газетной бумагой, везде светомаскировка, лица людей встревожены, суровы.

Ансамбль нашел свое место в общем строю. Мы выступали с концертами в частях Красной Армии на Карельском фронте, в госпиталях, перед населением прифронтной полосы. Огромным успехом пользовались у зрителей сатирические стихи нашего художественного руководителя В. П. Гудкова, гневно обличавшие фашистских захватчиков, проникнутые горячей верой в победу. Виктор Пантелеймонович читал их сам, с большой выразительностью и мастерством. Мы понимали, чего ждут от нас люди, и перестраивали свой репертуар на ходу. В те дни мы исполняли и известные патриотические произведения, и вновь созданные: «Победа за нами» Р. Пергамента, «В бою и труде» К. Раутио, «Грозный отпор» Л. Теплицкого.

Сражалось с врагом наше искусство, сражались мы и с оружием в руках. Ушли из ансамбля на фронт В. Меркушев, В. Алимпиев, В. Кирьянов, П. Шестаков, Ф. Антропов, Б. Устинов.

Вот некоторые из дневниковых записей военных лет.

«2 июля 1941 года. Вчера на Петрозаводск было пять налетов. Нас учат, как надо гасить зажигательные бомбы...»

«31 июля. Роем противотанковые рвы в местечке Бесовец под Петрозаводском. Днем копаем ямы глубиной 2—3 метра, а вечером высту-

паем с концертом. Где теперь легко — война!»

В конце августа ансамбль «Кантеле» эвакуируется в глубь страны. Мы двигались водным путем — на Вытегру, Череповец, Рыбинск, Горький... А потом — Оренбургская область, Средняя Азия. В пути, терпя лишения, преодолевая усталость, мы по несколько раз в день выступали в госпиталях и военных училищах, на промышленных предприятиях, железнодорожных вокзалах.

В Оренбурге провели собрание, чтобы решить вопрос: быть или не быть? Большинство твердо держалось мнения — надо сохранить ансамбль во что бы то ни стало, хотя раздавались и такие предложения: сдать инструменты на хранение, а самим устраиваться кто где и как может.

В этот критический период нечего было и думать о плановых концертах. Материальное положение артистов незавидное. Тиф выводил из строя то одного, то другого. Солист — певец Аппен — умер. Т. Вайнонен заболел в Джамбуле, В. Кононова мы поместили в госпиталь во Фрунзе, Н. Чернойаров отстал где-то в пути. Но мы не сдавались.

22 сентября 1941 года московское радио в «Последних известиях» сообщило, что ансамбль «Кантеле» выехал в гастрольную поездку по СССР. В такое грозное время вспомнили о нас!

Запись из дневника, помеченная 29 ноября 1941 года: «Ровно три месяца, как мы в дороге. Хлебнули лиха. Так далеко от дома. Очень мы осиротели без тебя, Карелия, без запаха лесной хвои...»

Мы знали, что вернемся. Верил в это и В. П. Гудков. Но ему не суждено было дожить... После тяжелой болезни 17 января 1942 года

он умер во Фрунзе. Мы с болью переживали утрату этого удивительного человека. Его самоотверженность, беззаветная преданность искусству стали для нас примером на всю жизнь. Вклад Виктора Пантелеймоновича Гудкова в развитие культуры Карелии, его литературное и музыкальное наследие еще ждут вдумчивого исследователя.

...Трудные дни эвакуации. Целая проблема — отоварить продовольственные карточки. На одной из станций в Киргизии увидели у железнодорожного полотна гору сахарной свеклы. Нам разрешили сделать небольшой запас. Испекли свеклу в дымящей чугунке, что отапливала наш дом-вагон, и наслаждались дотле малознакомым лакомством. Артисты заметно повеселели...

Если говорить по большому счету — мы не теряли духа, и наше кантеле, как оружие тех дней, всегда было расчехлено.

Как не вспомнить концерт перед ставшей позднее легендарной Панфиловской дивизией! Тогда она только формировалась в Средней Азии. Многие молодые солдаты порусски понимали плохо, и политрук переводил наши песни, стихи на казахский, киргизский и узбекский языки. Может быть, среди парней, сидевших прямо на полу клуба, скрестив ноги, был кто-нибудь из 28 героев, грудью защищавших столицу от фашистских танков.

После концерта солдаты не расходились. Получилось что-то вроде митинга. На разных языках звучало: «Да здравствует Карело-Финская ССР!», «Да здравствует дружба народов!», «Мы защитим кантеле!». Оказывается, наши мелодии, такие необычные в краю гор, были понятны всем. И были нужны людям. Это

прибавляло нам сил, вдохновения. Случалось, в день давали по два-три концерта.

На одном из концертов в театре оперы и балета города Фрунзе вместе с нами выступали симфонический оркестр Союза ССР, хор под руководством А. Свешникова, певец П. Кусевицкий и чтец В. Яхонтов. Сбор от этого концерта мы передали в фонд детей-сирот, родители которых погибли, защищая Родину. Если справедливо, что в войну искусство тоже сражалось, то и мы, артисты «Кантеле», можем сказать, что внесли свою долю в общее дело борьбы с врагом.

Летом 1942 года мы возвращались в родную Карелию. По пути дали концерт для воинов, отправлявшихся из Москвы на фронт. С фронтовиками мы встречались часто: в Беломорске — временной столице республики, в Кемии, на Обозерской ветке и Северном флоте. За время войны ансамбль дал 600 шефских концертов для воинов. Эта работа неоднократно отмечалась командованием Карельского фронта. Дневник мой той поры пестрит такими записями: «дали концерт для экипажа бронепоезда», «выступили в госпитале перед ранеными», «встречались с моряками подводной лодки Героя Советского Союза Фисановича в Мурманске...»

Все годы войны не прерывалась работа по созданию нового репертуара. Одна из программ ансамбля начиналась словами из «Калевалы»:

Дорогой мой друг и братец,
И начнем мы с лучших песен...

Хор и оркестр исполняли «Гимн партии большевиков» композитора Александрова, «Клятву наркомуну» Д. Шостаковича, произведения из цикла «Фронтальная лирика», песни

карельских композиторов К. Раутио, Р. Пергамента, А. Голланда, В. Гудкова. Все это придавало программе не только боевой настрой, но и национальный колорит.

Если говорить о колорите, то как не вспомнить народные песни нашего края в исполнении Сиркки Рикка, танцы, поставленные Василием Кононовым, Хельми Мальми, — их «Проводы», «Возвращение с фронта», «Финская полька», «Старая деревня» вносили в атмосферу концерта яркую праздничность.

В 1943 году ансамбль подготовил театрализованную программу «Карело-финское искусство — фронту». Премьера, посвященная 25-летию Красной Армии, прошла с большим успехом. «Спасибо вам за музыку, за песни. Мы будем на фронте защищать наше счастье, наше кантеле, чтобы всегда звучала радость». Такие слова остались не только в книге отзывов и печати военных лет, но и в сердцах участников нашего ансамбля.

Порой концерты проходили в непосредственной близости от линии фронта, иногда под артиллерийским обстрелом, авианалетом, как было, например, в Кандалакше, Кеми. Подчиняясь команде, мы прерывали концерт и уходили в укрытие, чтобы затем продолжить выступление. Полевой клуб, казарма, платформа грузовика, лесная поляна, блиндаж были нашей сценой. Бывало, выступали и для нескольких тысяч зрителей, и для двух-трех раненых бойцов в палате госпиталя или санитарном поезде. Присмотришься к лицам: кто слезу украдкой смахивает, кто весь просто светится счастьем. Мелодии наших кантеле, знаменитая «Землянка», «Вечер на рейде» придавали бойцам новые силы, поднимали их дух.

Вспоминается концерт в интернациональном клубе моряков Мурманска. Танцевали «Карельскую кадрили». Вдруг в зале — свист, топот... Такого у нас еще не бывало. Неужели провал? Но оказалось, что сидевшие в зале американские моряки подобным образом выражали свой восторг. Один из них после концерта пришел за кулисы, благодарно всем улыбался и просил подарить ему на память... кантеле.

В 1944 году с новой концертной программой мы отправились в поездку на север республики — в Мурманскую область, Архангельск, на Соловецкие острова. Концерт в «Архбумстрое» пришлось прервать: московское радио сообщило об освобождении Петрозаводска! Это было 29 июня. Мы ликовали. Весь зал стоя аплодировал победе, поздравлял нас. А в сентябре, после трехлетнего отсутствия, ансамбль «Кантеле» вернулся в родной город. Но каким он предстал перед нами! Израненный, безлюдный... Повсюду развалины, пустые кварталы. Изможденные лица недавних узников концлагерей...

Вначале нас поместили в уцелевшем двухэтажном деревянном доме по улице Ленина. Тут мы и репетировали, тут и жили. Наверху располагалось тогдашнее Управление по делам искусств. Это были нелегкие годы. Но мы не отчаивались, настроение у всех было приподнятое. После репетиции выходили на восстановление города, а вечером — концерты. Концерты для петрозаводчан, в госпиталях. В эти первые послевоенные месяцы истосковавшиеся по мирной жизни люди принимали артистов как-то особенно тепло.

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ

Август 1949 года. Всемирный фестиваль молодежи в Будапеште. Нас трое: Тойво Вайнонен, Люция Теппонен и я. Впервые «Кантеле» за границей, да еще на таком форуме! Как сейчас вижу огромный стадион Уйпешт в венгерской столице. Посланцы 80 стран мира, юноши и девушки разных национальностей, пришли сюда, чтобы во весь голос заявить протест против войны, Незабываемые августовские вечера над голубым Дунаем. Однажды венгерские друзья устроили участникам фестиваля прогулку на речных трамвайчиках. Яркие огни иллюминации, световая реклама Буды и Пешта делали город непередаваемо красочным. Отовсюду лилась музыка, слышались песни. Будапешт впервые за свою историю услышал звучание карельского кантеле...

На Всемирный фестиваль, проходивший в 1951 году в Берлине, прибыла молодежь из 104 стран. На стадионе имени Вальтера Ульбрихта соревновались спортсмены, а в концертных залах ежедневно выступали артисты всех континентов.

«Дети разных народов, мы мечтаю о мире живем...» — эта песня исполнялась на десятках языков. Ее пели и мы в сопровождении кантеле.

Наш ансамбль на фестивале представляла танцевальная группа из 11 человек. В нее входили Ф. Козин, Т. Пчелина, Е. Изотова, А. Арифметиков, В. Тарабукин, Н. Романенко, Р. Карен, А. Шутко, Л. Косолапова, баянист В. Варламов и я. «Всеобщее восхищение зрителей вызвала исполненная танцевальным коллективом Карелии «Карельская рыбацкая пляска», — писала одна из берлинских газет. — Яркие нацио-

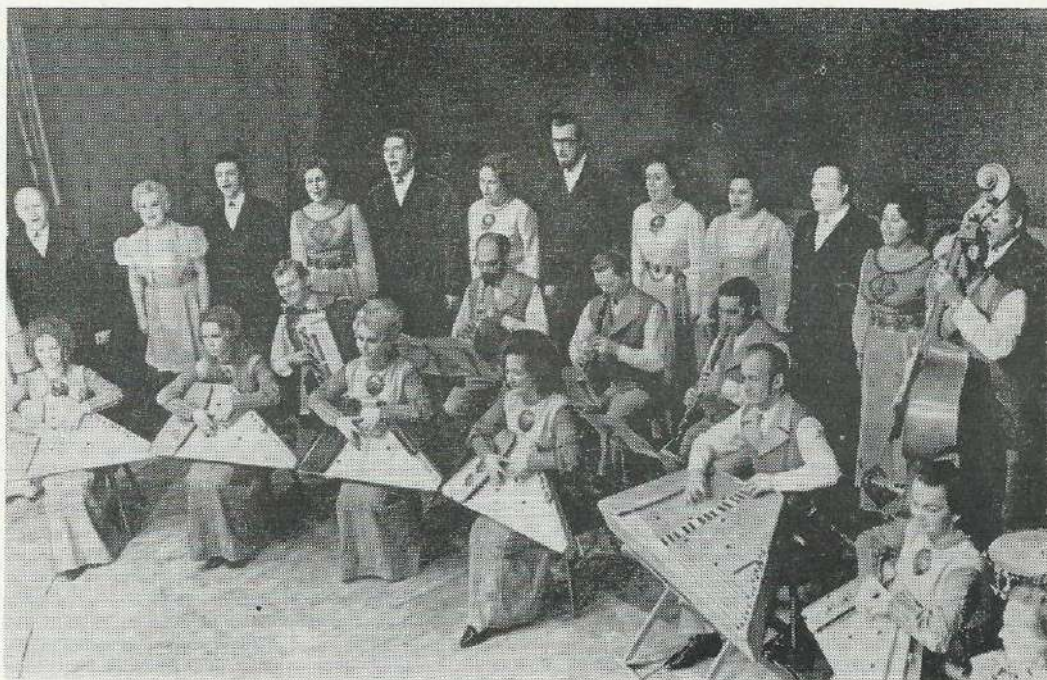
нальные костюмы, бурный темп, в котором проходил этот танец, жизнерадостные и энергичные лица исполнителей — все это привело интернациональную публику в такой восторг, что зал то и дело вздрагивал от горячих аплодисментов».

Нашему танцевальному коллективу была присуждена вторая международная премия за исполнение народных танцев. Мы увезли на Родину подарок лейпцигских рабочих — бронзовый ларец с надписью: «Победителям на конкурсе III Всемирного фестиваля в Берлине». Эта дорогая реликвия и сейчас хранится в Карельском историко-краеведческом музее. Навсегда запомнятся и минуты расставания с фестивалем. Далекие друзья из стран Европы, Азии и Африки окружили советскую делегацию и скандировали: «Мир, дружба!»

Дружба для нас, артистов «Кантеле», — понятие весьма конкретное и многозначное. Дружат музыканты, дружат города и народы. Маленькие ручейки сливаются в огромный поток, имя которому — мир. В этот поток несет свои воды и скромный ручеек нашего искусства.

Вспоминается 1954 год. Вместе с солисткой ансамбля Люцией Теппонен и артистами Москвы, Ленинграда, Таллина мне посчастливилось впервые побывать в дружественной Финляндии. За месяц гастролей в стране Суоми — более 30 концертов и творческих встреч. Финские газеты пестрели заголовками: «Рост музыкальной культуры в СССР после войны», «Блестящее выступление советских артистов», «Необычайный спрос на билеты» и т. п.

Потом мы не раз бывали гостями ежегодных праздников эпоса «Калевала». После одной из таких поездок пресса отмечала: «Тысячи фин-

Хор и оркестр прошлых лет

ских зрителей со всей очевидностью убедились, что первоочередной задачей советского искусства, тесно связанного с народом, является благородная борьба за мир».

Мы раскроем души настужь
Для улыбок и цветов.
Терве, Варкаус, будь счастлив,
Город дружбы и мостов!

Этой песней карельского композитора Геннадия Вавилова на стихи Марата Тарасова в августе 1980 года начались концерты петрозаводских артистов в городе-побратиме Варкаусе.

Тяга финнов к советским людям огромна. Концертные залы, цехи акционерного общества «Ахлстрем» в Варкаусе, где мы выступали во время обеденных перерывов, все

аудитории были переполнены, и всюду нас принимали как желанных гостей. А потом мы встретились на сцене — артисты Петрозаводска и Варкауса. Это был по-настоящему концерт-дружба.

В Варкаусе нас узнавали и на улице. Однажды мы гуляли по городу. Подъехал автомобиль и водитель заговорил с нами:

— Вы меня помните? Я скрипач-самоучка, играл в оркестре на одной из встреч с вами, советскими артистами. Я член общества дружбы «Финляндия — СССР». Очень хорошо, что между нами такие творческие контакты. Искусство сближает людей.

Мы не раз встречались с нашими финскими друзьями из города-побратима и у нас в Петрозаводске.

Наш ансамбль удостоен почетного звания ГДР — он лауреат премии Фрица Ройтера. Творческая дружба связывает «Кантеле» с фольклорным коллективом округа Нойбранденбург. Артисты нашего ансамбля А. И. Анущенко и Л. А. Игнатьев выезжали к коллегам в г. Нойштрелиц и поставили для немецких друзей несколько наших танцев (по В. Кононову). А их хореограф Розе-Мария Эм-Шульц была гостьей Петрозаводска и поставила в «Кантеле» хореографическую сюиту из танцев прибалтийских немцев. Она с большой теплотой отозвалась о нашем коллективе: «Артистов вашего ансамбля я знаю по их выступлениям в округе Нойбранденбург. Теперь я обнаружила новые качества ваших танцоров. Это подлинные энтузиасты, внимательные и чуткие в работе, репетируют с большой отдачей и старанием. Надеюсь, что подобные культурные побратимские контакты послужат дальнейшему укреплению дружбы между нашими народами».

География зарубежных гастролей «Кантеле» расширяется. Ансамбль в полном составе гастролировал в течение месяца в Чехословакии. Выступали мы и в городах-побратимах Ла-Рошель (Франция), Умео (Швеция). Надеемся на дальнейшие творческие встречи с зарубежным зрителем.

Идут годы... Накапливаются впечатления. Как на киноленте, проходит иногда передо мной жизнь, особенно в бессонные ночи. Музыка праздников и будней, события, встречи, лица... Лица тех, кто своим талантом и личными качествами привносил в наше общее дело что-то от себя, кто собирал, сохранял и развивал наше народное нацио-

нальное искусство. Не могу не сказать о них! Но может быть, начать с коллективного портрета?

ЭТА ЛАСКОВАЯ, ЗВОНКАЯ «АЙНО»

Несколько лет назад в Лаппеенранта во время гастролей в Финляндии наших девушек из народной группы «Аино» пригласили в гости в финскую семью. В непринужденной домашней обстановке тихо звучала лирическая песня:

Онко каунис Карьяла,
Кеваязилля —
Сойттау пяйвэй сугахил,
сулавилла.

(Хороша Карелия весной, когда солнце светит особенно ласково.)

Надо было видеть, как тронула мелодия этой песни хозяев дома...

Теперь трудно вспомнить, этой ли песней Ивана Лёвкина тридцать лет назад начались спевки девушек, другой ли. Но уж те, кто пришли в группу первыми, всем сердцем полюбили народную песню и стремились к ней. Назову их имена: Федосья и Евдокия Кирьяковы из Спасской Губы, бывшие слюдяницы Лидия Амозова, Лидия Евстюничева и Антонина Качанова, Лидия Росткова из Шелтозера, Антонина Павлова из Кондопоги, Александра Кондракова из Гомсельги и Лидия Макарова из Крошнозера. Они-то и составили основу народной вокальной группы «Аино».

Мысль создать такую группу при ансамбле «Кантеле» зародилась в 1951 году, вскоре после Недели карельской литературы и искусства в Москве. Осуществить идею поручили Софье Павловне Оськиной, знатоку и пропагандисту народного

Карельская литература в цитатах

С. П. Оськина, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженная артистка КАССР, лауреат Государственной премии КАССР, руководитель народной вокальной группы «Айно»

песенного творчества. «Край наш,— говорила она,— издавна славен не только своими лесами и озерами, но и песнями, хороводами. Сбережь эту красоту, запечатлеть ее в своих концертах — таков был наш замысел».

Вслушивалась Софья Павловна в голоса девушек, собранных из разных концов Карелии, и любовалась, когда надо — поправляла. Потом были годы долгой и кропотливой работы. Художественные руководители «Кантеле» стремились к тому, чтобы карельские девчата, становясь артистами, сохраняли свою творческую индивидуальность, свою самобытность.

«Айно» вышла на сцену, и слушатели ее приняли. Кого не взволнует чистая, проникновенная мелодия народной песни! К Декаде карельской литературы и искусства в Москве, проходившей в 1959 году, у «Айно» накопился довольно обширный репертуар. О народной вокальной группе Карелии писала газета «Правда»: «Под веселое одобрение зрительного зала женская вокальная группа «Кантеле» исполняет на карельском языке шуточную песню «Ворона» и частушки. Свободно, задорно перекликаются голоса, как бы перехватывая друг у друга «частушки напевные на темы злободневные».

И к современным произведениям интерес большой. Для «Айно» писали многие. Очень помог нам уже упоминавшийся мной замечательный мастер карельской песни И. И. Лёвкин. В содружестве с ним родились такие известные песни, обошедшие всю республику, звучавшие в разных уголках страны, как «Руйспелдо», «Онко каунис Карьяла», «Астуй Настой», «Песня о Петрозаводске».

В разные годы плодотворно работали для «Айно» композиторы К. Раутио, Г. Синисало, А. Голланд, Б. Шеломов, Ю. Зарицкий. Тексты песен сочиняли поэты Г. Кикинов, А. Иванов, М. Тарасов, А. Титов и другие. Много хороших песен создал композитор Н. Мишуков. Среди них «Как на озере на Сямозере», «Вечера на Шокше», «Я иду, иду», «Лососинка». Девушки ищут песни в самодеятельных народных хорах. Из Шелтозерья пришли вепские игровые песни «На деревне Гришка жил», «Прялица», «Харакейне», «Петух и куры», которые и сегодня украшают программу группы.

«Айно» — певческий коллектив, соединяющий в себе манеру исполнения народных песен с карельской хореографией. Здесь наиболее полно и ярко отражается самобытность частушечных и хороводных песен Карелии. Этим певческая группа обязана старейшим хореографам Карелии В. И. Кононову и Х. И. Мальми. Много сил и упорного труда для роста мастерства исполнительниц отдала заслуженная артистка республики К. Н. Стасюк, ныне хормейстер Дворца культуры «Машиностроитель».

В Карелии, пожалуй, трудно найти село, леспромхоз или совхоз, где бы не слышали голоса «Айно».

Трудно даже представить себе концерты ансамбля «Кантеле» без народной вокальной группы! Песни звонкоголосой «Айно» звучали в Москве и Ленинграде, Киеве и Минске, Мурманске и Вологде, в республике Коми, на Урале и в Сибири, в братских республиках Средней Азии и в Прибалтике. Наши девушки представляли карельскую молодежь на Всемирном фестивале в Варшаве, пели в Финляндии и ГДР. Их песни не раз передавались по республиканскому и московскому радио, по телевидению.

Искать свою песню — этому правилу «Айно» не изменяет. Наш маленький творческий коллектив — как бы лаборатория народной песни. Сюда приходят за советом руководители самодеятельных хоров, приезжают гости отовсюду, чтобы познакомиться с песенным творчеством Карелии.

«Айно» в постоянном поиске нового репертуара, новых жанровых находок, — рассказывает руководитель группы С. П. Оськина. — Мы продолжаем и поиск новых исполнителей. К нам пришли бывшие участницы Сегозерского народного хора Н. Выдрина и Т. Агапова, многие годы пела на самодеятельной сцене вошедшая в состав группы Т. Шелимова».

Недавно «Айно» вновь побывала в Олонце, выступали в Доме культуры. Душа песни узнавалась залом легко, по-родственному просто. Наши земляки хорошо чувствуют и понимают песню. Рядом с ними нам как-то особенно тепло. Отчий край и лаской согреет, и пожурит, когда надо, и песней своей одарит. Здесь наши истоки, сюда мы приезжаем с поклоном. Остро чувствуешь отсутствие незабвенного

Е. С. Игнатъева, заслуженная артистка КАССР

Ивана Ивановича Лёвкина. Первый песенник республики, он и сегодня с нами, и с олончанами, и с ведлозерцами. Руководительница Олонецкого народного хора Зоя Аутио — его ученица. После концерта она привела свой хор на встречу с «Айно». Много говорили, а больше пели — кто какие песни знает. Зоя Аутио и ее подруги поют душевно, с характерным олонецким говорком. «Айно» отвечала своими песнями.

Спевка — как зачин дружбы, как урок. Нам есть чему учиться друг у друга. Народное и профессиональное. Взаимно обогащаясь, они развивают традицию, позволяют держать в чистоте певческую манеру.

ТОЙВО И СИРККА

Осенью 1940 года стройный молодой человек в солдатской шинели докладывал художественному руководителю ансамбля В. П. Гудкову: «Скоро кончаю службу, хочу играть на кантеле».

Это был Тойво Вайнонен. Еще учась в музыкальном училище, он встретился с Гудковым, который знакомил студентов с кантеле. Тойво сразу стал выяснять, как положить на колени инструмент, как извлечь звук, и вскоре уже пытался играть на нем некоторые гаммы и прелюдии.

Путь в кантелисты нелегок. Не сразу пришла и к Вайнонену та му-

зыкальная легкость, которая позднее отличала его игру и обращала на себя внимание слушателей. Тойво прекрасно овладел созданной В. П. Гудковым школой игры на кантеле. В 40-х годах В. П. Гудков организовал квартет кантелистов. Тойво стал душой этого квартета. Мы с большим удовольствием играли «Часы» и «Финские танцы» В. Гудкова, «Молоточки» Куперена, «Кукушку» Декена.

На протяжении многих лет я играл с Тойво Потаповичем и в дуэте кантеле. Его спокойный, сдержанный характер исполнения достоин подражания. Но это спокойствие внешнее. Одна неправильно сыгранная на концерте нота лишает его сна. Для Тойво все концерты — ответственные, независимо от того, где они проходят — в клубе лесного поселка или на столичной сцене.

Помнится одно из выступлений в концертном зале Рижской филармонии. Когда наш основной репертуар был исчерпан, а зрители просили еще, Вайнонен предложил исполнить давно игранные народные мелодии. Поначалу мне подумалось, что рисковать не стоит. Но я был уверен, что Тойво «вытянет», и смело шел с ним на сцену. Когда Тойво рядом, всегда чувствуешь себя уверенно.

Вспоминается такой случай. Были мы на гастролях в Ашхабаде. Жара 40—45 градусов! Кантеле так рассохлись, что вот-вот лопнут деки. И Тойво придумал, как помочь инструменту. В номере гостиницы наполнили ванну на одну треть водой, а кантеле ставили поперек ванны, чтобы они «дышали», чтобы до следующего концерта набирали «карельской влаги». Благодаря этому мы сохранили инструменты, и кон-

Т. П. Вайнонен, народный артист КАССР

церты в знойном Ашхабаде не были сорваны.

В Калевале проходили Дни литературы и искусства Петрозаводска. Тойво Вайнонен был в группе артистов и пользовался там большим успехом. Он узнал, что в районном Доме культуры действует кружок кантелистов. Это порадовало старого музыканта. Тут же отправился он на репетицию. Огорчило Вайнонена, что школьники играли на полуразбитых инструментах. Это же искажает звук! Где можно приобрести кантеле? Вопрос не праздный. В музыкальных магазинах Петрозаводска не купишь. Почему бы не наладить производство кантеле в Карелии? Вайнонен ратует за это. Озабоченность его можно понять. Человеку, всю жизнь посвятившему это-

С. А. Рикка, народная артистка РСФСР

му уникальному инструменту, искусству Карелии, важно, чтобы ряды кантелистов не редели.

Между прочим, у Тойво Потаповича настоящий дар педагога. Едва ли не все нынешние кантелисты ансамбля прошли «школу Вайнонена». Уроки игры на кантеле Тойво Потапович давал и для студентов Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории, и в детской музыкальной школе.

Как не сказать о спутнице Тойво Потаповича — певице Сиркке Андреевне Рикка! Творческий путь ее трудно представить без ансамбля «Кантеле». Уроженка США, она нашла свою Родину в СССР, получила

образование в Ленинградской консерватории.

Говоря о «карельском соловье», я не боюсь преувеличений: Сиркка стала популярной именно в ансамбле «Кантеле». Ее лирическое сопрано как нельзя лучше звучало в сопровождении оркестра кантелистов. Диапазон искусства певицы широк: арии и романсы Чайковского, Глинки, романсы Грига, финские, карельские, вепские народные песни...

Вместе с Тойво Вайноненом мне посчастливилось побывать с Сирккой Андреевной в гастрольной поездке по городам Поволжья, Прибалтики, в братских республиках Средней Азии. В Куйбышеве после

сольного концерта в сопровождении местного симфонического оркестра она заканчивала свое выступление с дуэтом кантеле. Переход резкий, но певица сделала его легко, органично.

Мне запомнилось и ее выступление в Москве, в Бетховенском зале Большого театра, где Рикка пела также в сопровождении фортепиано и дуэта кантеле. Голос ее, пластичный, проникновенный, прекрасно гармонировал с нашим инструментом.

Сиркка Андреевна Рикка — это целая глава в истории «Кантеле».

Сиркка Рикка побывала с ансамблем «Кантеле» и с сольными концертами чуть ли не во всех уголках нашей страны. Ее много раз приглашали в Финляндию и ГДР. Кроме песен народов Карелии и исполнения классических произведений, она подготовила программу «Песни народов мира». За плодотворную деятельность в развитии карельского искусства С. А. Рикка награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, Грамотой Советского комитета защиты мира.

— Что для исполнителя главное, по вашему мнению? — как-то спросил я певицу.

— Главное — без конца совершенствовать свое мастерство, — говорит Сиркка. — И еще очень важно суметь настроить себя для выступления в любых условиях, перед любой аудиторией — клуб ли это лесного поселка или столичный концертный зал.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ И «БАБУШКА ХЕЛЬМИ»

...Стрелки часов показывают полночь. Давно закончены репетиции, а в зале все еще горит свет.

В. И. Кононов, заслуженный деятель искусств РСФСР и народный артист КАСССР

Это работает над очередной композицией Василий Иванович: выстраивает рисунок танца, ищет темпоритм.

Я познакомился с Кононовым осенью 1938 года в Петрозаводске, когда был принят учеником в «Кантеле». С тех пор на протяжении многих лет имел счастье наблюдать, как трудится этот замечательный художник. Его самобытное творчество — неоценимый вклад в становление и развитие профессионального хореографического искусства Карелии. Танцы Василия Ивановича Коконова — поистине национальные жемчужины. Каждый из них — эпизод народной жизни. Созданные художником образы в высшей степени достоверны.

Неповторимость самобытных композиций В. И. Коконова, способность окрашивать танец лиризмом или плутоватым юмором восхищали не только зрителей, но и крупных балетмейстеров-профессионалов. Постановки В. И. Коконова высоко оценили И. Моисеев, Н. Надеждина

Карельский народный танец

и другие мастера народного танца. Р. Захаров отмечал, что танцевальная программа «Кантеле» построена главным образом на фольклоре, что в образах народных плясок хорошо переданы любовь к Родине, трудолюбие, стойкость и мужество людей северного края, что танцы «Кантеле» словно согреты живым теплом и счастьем. Московский балетмейстер И. Смирнов, консультируясь с В. Кононовым во время постановок балетов «Сампо» и «Кижская легенда», неоднократно отмечал его поистине энциклопедические знания в области фольклора, тонкое чувство сцены.

Народный артист СССР Игорь Моисеев приглашал Василия Ивано-

вича в свой ансамбль для постановки двух карельских танцев.

Выходец из небольшой вепсской деревушки Рыбрека, Василий Кононов детство и юность провел среди каменотесов, лесорубов, сплавщиков и землепашцев. Он и сам в юности трудился на разработках камня. Там он и приспособился к художественному творчеству своего народа — участвовал в выступлениях агитбригад, а затем создал прославившийся впоследствии Шелтозерский народный хор.

Наблюдая творчество Кононова на протяжении длительного времени, я заметил, что его мысль работает без устали, что он постоянно обдумывает новые сюжеты, сочи-

няет танцы на основе народного танцевального фольклора, переделывает, шлифует уже созданные и, казалось бы, апробированные «на публике» номера.

Мне повезло — в течение многих лет я выступал вместе с Василием Ивановичем и постоянно учился тому, как еще за кулисами, перед выходом на сцену, настроиться, войти в образ. Вместе с ним мы исполняли танцевальную картинку «Старая деревня». Там он оригинально «обыгрывал» свой высокий рост, от чего я становился еще ниже и, по существу, только аккомпанировал ему. Мимика Кононова неподражаема — точь-в-точь неотесанный деревенский паренек.

В отличие от многих других наставников В. И. Кононов показывал движения, но никогда не навязывал их: «Думайте, ищите сами, предлагайте». В каждом исполнителе он видел индивидуальность и именно на этом строил сюжет танца. Василий Иванович никогда не работал «в полноги», этого требовал и от других.

Когда Кононова спрашивают, где он учился как постановщик, он, улыбаясь, отвечает: «Нигде не учился. Я — самородок».

Кононовская фантазия. Есть ли ей предел? Карельская и заонежская кадрили, «Шестерка в тройках», «Уточка», «Ложки», «Старая деревня», «Маршаллизованная Европа», «Проводы на фронт», «Повозка свадебная», «Рыбацкая», «Лесорубы», «Олонецкие ребята»... Сколько их, творений мастера! И все эти постановки — такие разные по стилю: то они лирические, то плутоватые, то озорные...

В. И. Кононов — мастер сюжета в хореографии, особенно ему удается финал. В «Уточке», поморском

хороводе, — группа девушек-уточек и два парня-селезня. Длинные белые платья уточек, их вытянутые руки-крылья, медленный, грациозный шаг с замысловатым, постоянно меняющимся рисунком, арпеджированная поморская мелодия — все это уносит зрителя на озерную гладь. А селезни? Они друзья, но к финалу никому не хочется уступить первенства — ведь главная уточка выбирает только одного...

«Балетмейстер В. Кононов, — писала газета «Труд», — не боится сценического преувеличения, вымысла, острых мизансцен, ярких и броских приемов, и вместе с тем во многих его композициях есть подлинно народное начало, есть правда человеческих характеров». А петрозаводский хореограф Виола Мальми так характеризует творчество своего коллеги и учителя: «Лексика танцев Кононова предельно проста — обыкновенный шаг с множеством оттенков: беговой, плавный, крадущийся, раскачивающийся, прыжковый, синкопированный. Все это, в сочетании с «неумолкающими» руками, дает возможность зримо ощутить характерность персонажей из народа, колорит местного быта. Кононовский стиль узнаешь сразу».

Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист КАССР Кононов воспитал целую плеяду талантливых исполнителей народных танцев в ансамбле «Кантеле». Среди них Ф. Козин, Э. Баландис, А. Арифметикова, И. Жуков, И. Рудаков, Р. Карен, Т. Пчелина, Н. Романенко, Е. Изотова. Василий Иванович давно уже на заслуженном отдыхе. Но не сидится дома первому балетмейстеру республики — он постоянный консультант и постановщик танцев в ансамбле «Кантеле» и са-

Х. И. Мальми, заслуженная артистка КАССР

модельных коллективах. Быть новым узором, картинкам, выхваченным из жизни и рожденным фантазией кудесника!

Танец в «Кантеле» многим обязан и Хельми Ивановне Мальми. Ее у нас в ансамбле ласково называют «бабушкой Хельми». Х. И. Мальми за семьдесят, но она по-прежнему в хлопотах, заботах. У нее большие творческие планы. «Мне хочется, — говорит балетмейстер, — восстановить некоторые незаслуженно забытые карельские и финские танцы, много лет украшавшие программы «Кантеле».

«Карусель», «Бой бычков», «Поткис», «Этот круг» — только малая часть ее творений. В своих постановках Хельми Ивановна опирается, как и В. И. Кононов, на фольклорную основу, обогащая простейшие

танцевальные движения фантазией художника.

Любовь к танцу. Это у Хельми Ивановны Мальми с детства. Она на своем веку немало танцевала, сочиняла танцы. В 30-е годы она поставила в Кондопоге даже несколько одноактных балетов. Хельми была отличной исполнительницей. Помню ее капризную, озорную девчонку в «Кофейной польке», которую она так мастерски танцевала с Семеном Кяргиним.

В годы Великой Отечественной войны Х. И. Мальми была артисткой фронтового эстрадного театра и со своим партнером С. Кяргиним выступала перед воинами Карельского и Ленинградского фронтов. Несколько лет она отдала труду в Финском драматическом театре.

Финский танец «Карусель»

Хельми Ивановна — балетмейстер лирического склада. Но ее почерку присущи народный юмор, игровое начало. В былые годы мне и самому доводилось исполнять ее танцы, и делал я это с большим удовольствием.

Диалог постановок Х. И. Мальми широк и разнообразен. Когда-то давно она сочинила шуточный ингерманландский танец с калашами. Образ деревенского шутника, заводилы был для меня по характеру необычным. Хельми Ивановна советовала приглядываться к людям, искать типаж в народе. Постановка и образы танца были настолько ко-

мичны, что даже нам, исполнителям, трудно было сдерживать улыбку во время концертов. Одним словом, это был по-настоящему веселый танец.

Из многих танцев Х. И. Мальми мне как-то особенно запомнилась лирическая сценка «Как играет музыкант». Я должен был сыграть на скрипке простую мелодию, а делать этого тогда не умел. Х. И. Мальми договорилась с композитором и скрипачом Л. Йоусиненом, чтобы он дал мне несколько уроков игры на скрипке. Этот танец долгие годы был в репертуаре ансамбля «Кантеле» и с успехом исполнялся во вре-

Танец «Сякки-ярви»

мя гастролей в Карелии, Москве и Ленинграде.

Когда речь идет о музыкальном сопровождении или костюмах, Х. И. Мальми не признает никаких компромиссов. Она всегда требует точного сохранения ритмического и мелодического начал в танце. Продуманный до деталей костюм для нее — один из основных компонентов постановки. К каждому танцу балетмейстер создает свои эскизы костюмов, выполненные в цвете. Ее эскизы костюмов к финским народным танцам могли бы украсить любую выставку декоративно-прикладного искусства.

В программе «Дружба народов», с которой ансамбль народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева выступал в 1952 году на Олимпийских играх в Хельсинки, Х. И. Мальми поставила финскую сюиту из пяти танцев. Ее танцы исполнялись и в других городах Финляндии — в Турку, Лахти, Рованиemi.

— Сколько всего поставлено Вами танцев? — спросил я однажды заслуженную артистку КАССР Хельми Ивановну.

— Не вела учета, но, думаю, более сорока.

Видимо, не случайно, что и дочь ее, заслуженный работник культуры КАССР Виола Мальми, посвятила себя хореографии, что она стала собирателем народного танцевального фольклора, автором книги «Народные танцы Карелии», руководителем фольклорного танцевального коллектива «Карьяла».

Хельми Ивановна Мальми передает свою балетмейстерскую эстафету в надежные руки.

ЭЙЛА И ЭРИК

Еще девочкой она робко взяла кантеле, положила на колени и... щипнула. О чем поведали ей вещи звуки? Тойво Вайнонен, учитель Эйлы, заметил упорство своей ученицы в освоении упражнений, в овладении инструментом. В те давние годы Эйла постоянно «приставала» и ко мне — покажите, пожалуйста, как играть то или другое место в оркестровой партии. С годами Эйла выросла в профессионального музыканта, сама теперь справляется с очень сложными оркестровыми партиями.

А Эрика Раутио я знаю еще больше, чем Эйлу. Талантливый, целеустремленный музыкант. На моей памяти немало кантелистов-басистов, но подобного Эрику не было. Кажется, нет партии для кантеле-бас, которую он бы не исполнил. Так уж сложилось, что Эйла и Эрик нашли в ансамбле не только себя, но и друг друга, стали мужем и женой, стали неразлучным дуэтом кантеле. Альт и бас. Они родственны по звучанию и удачно сочетаются в дуэте. Не только сольные пьесы, такие как «Карельская свадьба», «Финские вариации», «Калинка», но и аккомпанементы солистам вели-

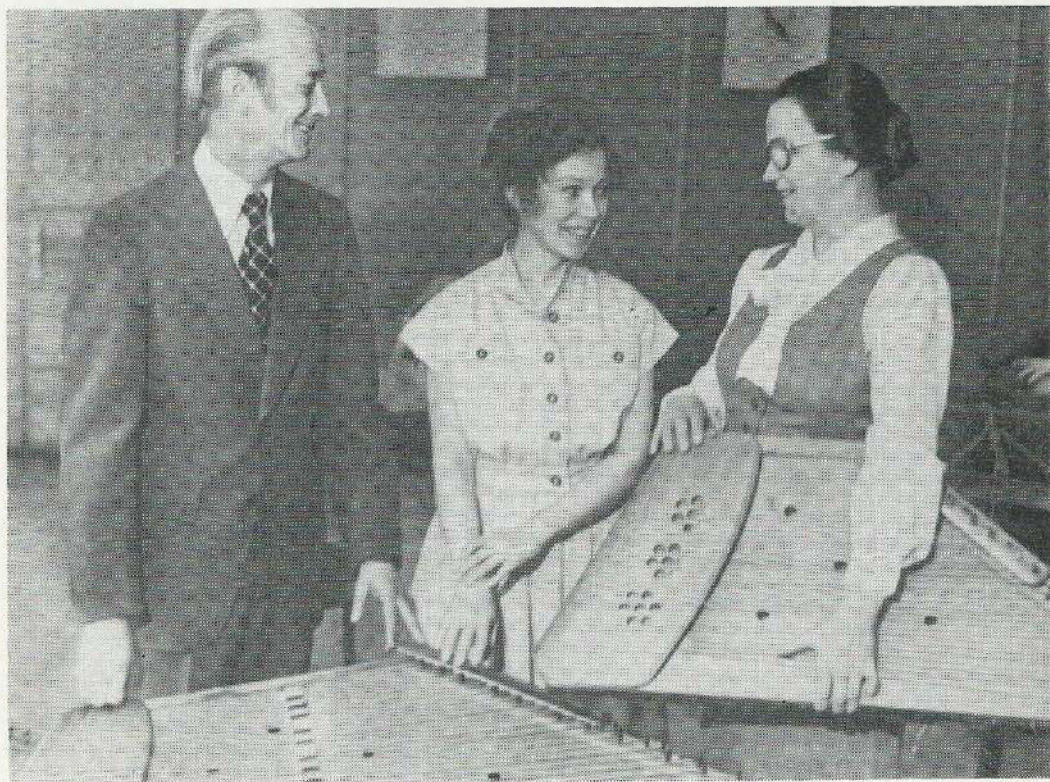
колепно звучат в исполнении дуэта кантелистов. Конечно, благодаря самим музыкантам, их удивительному трудолюбию и упорству.

«Эта музыка — не почудившаяся, а ожившая наяву. Удивительная музыка. Можно было не заглядывать в программу концерта, не прислушиваться к словам ведущего. Ясно, что эта мелодия, рождавшаяся в переборах струн кантеле, — северная, с ее неторопливым разливом и буйством игровых интонаций. Такая открытость, обусловленность адреса. И почему-то загадочность. Почему?...» — так писала карельская республиканская газета о мелодиях, исполненных на кантеле Эйлой и Эриком Раутио. Прекрасный дуэт! Настоящие музыканты.

Эйла и Эрик Раутио — заслуженные артисты Карельской АССР, Эрик еще и заслуженный артист РСФСР. Сын известного карельского композитора, он беззаветно любит музыку, проявляет себя не только как исполнитель, но и как автор обработок, руководитель ансамбля кантелистов.

Характеры этих артистов хорошо переданы на картине карельского художника Валентина Чекмасова. Двое исполнителей с кантеле в руках. Вдохновенная устремленность Эрика и тихая поэтичность Эйлы. Чуткие пальцы скользят по струнам. Что они играют? Может быть, «Карельскую балладу» Карла Раутио? Когда всматриваешься в картину, начинаешь слышать то шум водопада, то шелест лесного раздолья. Двое на холсте творят перед нами музыкальную поэму Севера.

Двое. А с недавних пор к Раутио присоединилась молодая кантелистка Валентина Матвеева. Родилось трио кантеле. Валя о себе: «В школьной юности я увлекалась танцем,

Трио кантеле. Слева направо: Эрик Раутио — заслуженный артист РСФСР и КАССР, В. Матвеева и Эйла Раутио — заслуженная артистка КАССР

и в ансамбль пришла, чтобы танцевать. А прислушалась на репетициях к тонким, поэтичным звукам кантеле и сказала себе: вот что самое интересное, другой работы не надо... Не сразу все получалось. Поначалу пальцы деревенели, охватывало отчаяние. Тойво Поталович Вайнонен помогал, Эрик и Эйла тоже. Теперь неподатливые струны приносят мне большую радость. Я потому и в консерваторию поступила...»

Трио кантеле. Это уже как бы маленький оркестр. Диапазон звучания инструментов значительно расширился, колокольчиками зазвенели

верхние голоса. Кроме исполнения своей программы, трио еще аккомпанирует певцам-солистам. Как говорится, хороший пример заразителен: появился еще один инструментальный ансамбль — квинтет. Если дуэту и трио кантеле более близки народные мелодии, то инструментальному ансамблю по плечу пьесы с острым ритмом, такие как «Галантная пьеса» Купревича, шуточная «Кумушки» Фиготина, «Часы» Зубова. Создание малых инструментальных ансамблей в «Кантеле» — это и новые музыкальные возможности, и новый репертуар.

ВСПОМНИТЬ ПОИМЕННО

К творческой судьбе «Кантеле» прикасались многие работники искусства... Листаю свой дневник, вспоминаю.

Еще в 1942 году, вскоре после смерти В. П. Гудкова, руководство ансамблем в эвакуации было поручено Якову Моисеевичу Геншафту. В довоенные годы он был ярким пропагандистом симфонической музыки в Петрозаводске. А тут кантеле — хрупкое, неброское с виду. Новый худрук, однако, не растерялся. Чуткий, требовательный музыкант, он стал вникать во все тонкости творческого процесса в своеобразном оркестре. В «Заонежской сюите» Р. Пергаментом была сочинена довольно сложная каденция для альты-кантеле, которую предстояло играть мне. После длительных самостоятельных проб она показалась мне непосильной. Разочаровавшись в себе, я обратился к Я. М. Геншафту, сказал, что не умею, видимо, играть и надо думать об уходе из «Кантеле»...

— После репетиции задержись, — ответил дирижер. Потом он пригласил меня прогуляться. Разговор не клеился. Молчали... — А ведь ты неправильно учишь каденцию.

— Почему? — возразил я. — Это же свободное музицирование!

— В том-то и дело, что свободное, — оживился Яков Моисеевич. — И начинать надо медленнее, спокойнее, постепенно убыстряя темп до бравурности.

Я воспользовался советом. Каденция получилась, композитор остался доволен.

Несколько лет художественным руководителем ансамбля был Сергей Николаевич Озеров. Обаятель-

С. М. Карп,
заслуженный деятель искусств КАССР

ный, интеллигентный, исключительной требовательности человек. От него мне однажды тоже попало... В Беломорске перед премьерой программы «Кантеле» в клубе им. С. М. Кирова из любопытства я заглянул в щелку занавеса — хотелось узнать, сколько в зале зрителей. Увидев это, Озеров рассердился: «Не твое дело, сколько зрителей! Если даже один человек в зале, ты должен играть отлично, как отрепетировано».

Григорий Сергеевич Максимов — хоровик. Он — родоначальник пения без сопровождения в хоре ансамбля. «Репа», «Дождик», «Туле-туле» — эти карельские песни-миниаютуры стали в трактовке Максимова подлинными жемчужинами.

Т. А. Антышева, кантелистка

П. С. Титов,
заслуженный артист КАССР

А. М. Сидорова,
заслуженная артистка КАССР

Заслуженный деятель искусств КАССР Семен Матвеевич Карп возглавлял художественное руководство ансамблем на протяжении почти двадцати лет. Это интересный художник. В свое время некоторые укоряли его в жанровой разбросанности. Но шел поиск новых форм и средств. Единственно, чего не позволял себе С. М. Карп, — это творческого застоя. При нем хоровая капелла «Кантеле» заискрилась новыми красками. «Слаженность и чистота звучания, — отмечала пресса во время гастролей в Череповце, — вызывают изумление. Хор «Кантеле» поет исключительно одухотворенно, прекрасно передает тончайшие оттенки песен и их национальный колорит».

Профессиональный хоровик, С. М. Карп тонко разбирается и в других жанрах, и эта «многожанровость» очень помогала при создании мелких исполнительских групп, давала возможность маневрировать в построении различных программ концертов — ведь артистам ансамбля «Кантеле» приходится выступать и на больших сценических площадках, и на импровизированной сцене на селе.

Льва Афанасьевича Косинского в «Кантеле» часто называют музыкальной энциклопедией. Будучи дирижером оркестра, он умел весьма ограниченными в оркестре кантеле красками придавать особое звучание и грустному вальсу Сибелиуса, и пьесам Чайковского, и произведениям карельских композиторов.

Хочется назвать имена людей, причастных к деятельности ансамбля «Кантеле», — директоров, дирижеров, артистов. Это — Я. Пергамент, В. Салоп, Р. Раутио, О. Салми, Г. Вильянен, Э. Баландис, З. Козло-

ва, Е. Тихонова, Е. Рийконен, Л. Салми, М. Кирьянов, М. Линдстрем, М. Кубли, Л. Теппонен, А. Фролов, В. Быданов, Л. Привалов, В. Хямляйнен, В. Озерова, Н. Романенко, Л. Каргулев, В. Зайцев, П. Дворжицкий, С. Суэтов, И. Тулупов, Т. Пулккинен, А. Филинов, И. Кунгуров, П. Шадрин, К. Слапак, Р. Рудакова. Все это мои соратники, товарищи по искусству. Многие из них уже нет, но они должны быть живы в нашей памяти. А тем, кто здравствует, глубокая благодарность за творческое сотрудничество.

Сегодня рядом со мной продолжают славные традиции «Кантеле» мои друзья: Т. Антышева, П. Титов, А. Сидорова, Г. Кутузов, Е. Юнина, В. Аксентьев, А. Грачев, А. Анущенко, С. Стангрит, Л. Игнатъев, В. Лашина, С. Грачева, Н. Богданов, В. Мясников и многие другие.

НА КАЛИТКИ

«Тулкуа тойсте!» В переводе с карельского это значит: «Приезжайте еще!» Сколько раз артисты «Кантеле» слышали эти слова! Листаю дневник, взгляд задерживается на одной из записей: «Ездили по Пудоожскому району. Деревня Колово. Клуб на горке. К началу концерта зал был переполнен. Удивительно, что первые места никто не занимал. Оказывается, они предназначались для самых уважаемых, старейших жителей Колово. Нам дружно аплодировали, а одна из старушек смущенно положила на краешек сцены букет полевых цветов. После концерта нас позвали на калитки. Расположились в старой избе, на деревянных лавках за длинным столом. Уха из свежего налима, соленые грибы — что может

В. Н. Аксентьев, солист ансамбля

А. Н. Грачев, баянист

А. И. Анущенко, репетитор балета

сравниться с этими деревенскими яствами!

— Пели-то да танцевали вы хорошо, милые, — обратилась к нам хозяйка дома. — Вот и мы споем!

И полилась песня — широкая, немного грустная...

Сколько таких встреч! Конечно, почетно выступать на столичных сценах, в современных Дворцах культуры. Но для нас не меньшая радость — концерты в скромном сельском клубе, на полевом стане, в красном уголке фермы. До чего бывает радостно, когда слышишь добрые напутствия и слова: «Тулкуа тойсте!»

...В то сентябрьское утро 1980 года моросил дождь. Тяжелые серые облака затянули небо. Было ясно, что тружеников зверосовхоза «Таунанский» ждет нелегкий день. Ведь убирать урожай надо в любую погоду!

Всему свой черед, и концерту тоже. В назначенное время в клубе, несмотря на непогоду, собралось много народу. Исполняю свои мелодии, баянист И. Уляшов аккомпанирует нашим певцам В. Лашиной и П. Титову. Принимают тепло, просят приезжать почаще. И нам хочется частых встреч с таким отзывчивым на наше искусство зрителем.

В тот день мы выступали еще в деревне Липпола. На встречу пришли доярки, учащиеся Петрозаводского строительного техникума, помогавшие убирать картофель в одной из бригад совхоза «Застава». Снова теплый прием и снова слова благодарности, которые от имени присутствующих произнес главный агроном Анатолий Рейнович Эноваара.

Вот уж несколько лет наш ансамбль направляет для обслужива-

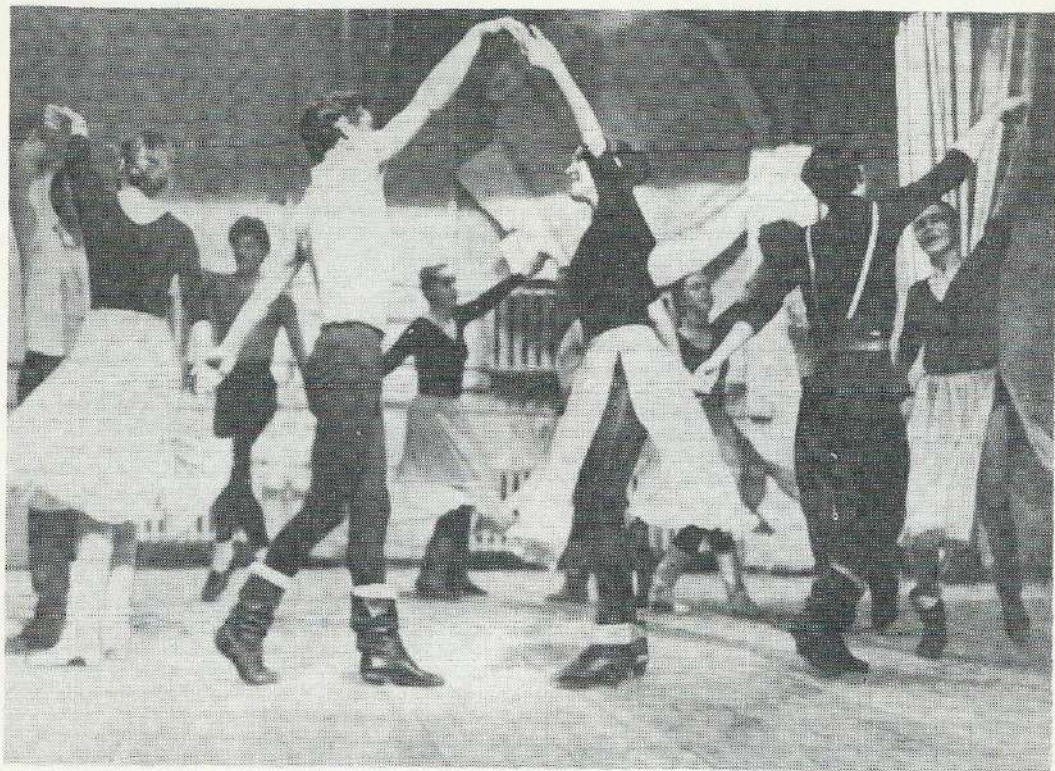

Р. Д. Халл, зав. костюмерным цехом

ния жителей села группу с программой «Мелодии кантеле». Жизнь показала, что выбор такой формы концертного обслуживания достигает цели. В поездках по республике особенно остро чувствуешь, как нужны труженикам села хорошие песни, проникновенные слова артиста.

ЧТО У ВАС, РЕБЯТА, В РЮКЗАКАХ!

Много лет назад Юрий Зарицкий, выпускник Ленинградской консерватории, работал преподавателем Петрозаводского музыкального училища. Кое-кто из старшего поколения кантелистов учился у него. Ю. Зарицкий, одаренный музыкант и композитор, сочинил для ан-

На репетиции

самбля «Кантеле» сюиту «Что у вас, ребята, в рюкзаках?» Она имела успех у зрителей благодаря жанровому разнообразию, умелому использованию композитором всех имеющихся в ансамбле музыкальных красок — инструментальных и вокальных.

Оглядываясь на прошлое, невольно задаешься вопросом: «А что ж у нас теперь, ребята, в рюкзаках?» Новые мелодии, новые оригинальные номера, новые интересные программы? И это, конечно. Но главное — верность замечательной традиции, верность курсу, проложенному еще на заре существования ансамбля.

«Кантеле» — 46 лет. Были у нашего коллектива свои высоты, свои отливы и приливы. И все же — развитие, и все же — движение вперед.

К 60-летию юбилею Союза ССР «Кантеле» готовит праздничную программу. В нее войдут новые песни и стихи карельских авторов, произведения советских композиторов и, конечно же, лучшие концертные номера предыдущих программ.

В знак нерушимой дружбы народов нашей страны в программе прозвучат русские, украинские, латышские, казахские песни и музыкальные произведения, стихи Н. Лайне,

А. А. Лехмус, заслуженный работник культуры КАССР, художественный руководитель ансамбля «Кантеле»

Т. Сумманена и финской поэтессы Синерво — «Я люблю советского человека». Ведущая будет как бы экскурсоводом, дополняя программу ансамбля рассказом о людях страны Калевалы.

Словом, много нового, новых поисков и находок. И забот немало.

Основываясь на песенно-музыкальном и танцевальном фольклоре, ансамбль призван создавать созвучные времени произведения искусства. Репертуарный вопрос был и остается самым острым. Хочется бросить упрек в адрес композиторов нового поколения: редкие они гости в ансамбле, а то,

что ими написано, не всегда отвечает специфике оркестра кантеле. Как не вспомнить в этой связи встречи с композиторами К. Раутио, Л. Теплицким, Л. Вишкаревым, Л. Йоусиненом. Они постоянно общались с исполнителями, изучали возможности кантеле, а уж потом сочиняли музыкальные произведения для ансамбля. Помню, когда мы с Р. Пергаментом после репетиции оставались наедине, он говорил: «Играй все, что умеешь, а я послушаю». Небезрезультатными были эти контакты, Р. Пергамент сочинил удачные пьесы для кантеле-альта со смычковым квартетом и пьесы для двух кантеле с квартетом

духовых инструментов, оркестровые и хоровые произведения.

Время предъявляет новые требования и к исполнителям. Нужны для «Кантеле» хорошие специалисты. Готовить их могли бы Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова и Петрозаводское музыкальное училище им. К. Э. Раутио. А если еще помечтать... Хорошо бы, чтобы действовала при ансамбле студия кантелистов, чтобы можно было в республике заказать кантеле. В Карелии есть и резонансовая ель, и мастера найдутся. А сегодня мы играем на инструментах, изготовленных эстонским мастером Илмари Кукком. Глубокая благодарность ему за это!

Большие творческие планы у нынешнего художественного руководителя ансамбля заслуженного работника культуры Карелии А. А. Лехмуса. Среди них, в частности, изучение и использование старинных народных инструментов: ёухико, вирси-каннел, пастушьих рожков — и усовершенствование звучания современного кантеле. Петрозаводский композитор А. Репников задумал создать произведение для симфонического оркестра и оркестра кантеле. Побольше бы таких дерзаний!

Мало мы ищем таланты на родной земле. Надо бы шире пропагандировать кантеле в школах, в самостоятельных народных коллективах.

В 30-х годах русский человек, уроженец Воронежской области В. П. Гудков, увлеченный поэтическим и песенным фольклором карельского края, взялся за модернизацию старинного народного инструмента. А в усовершенствовании кантеле помог ему петрозаводский краснодеревщик, уроженец Заоне-

жья Евдоким Ключин. Артистами ансамбля становились карелы и русские, вепсы и финны, белорусы и украинцы. В программе звучали произведения братских народов нашей страны.

Пока я писал эти воспоминания, произошло еще одно событие в творческой жизни ансамбля. В течение тринадцати дней «Айно» выступала в Финляндии. Я не был участником этой поездки, но многое знаю об успехе гастролей по рассказам товарищей и из сообщений финской прессы. Газета «Кансан таhto» писала: «Подбор голосов, манера исполнения образуют гармонично звучащее единство. Музыкальное напряжение сохранялось постоянно и ровно, голоса не уставали, а лились без видимых усилий». А вот как отзывалась о наших артистках газета «Кайнуун саномат»: «Группа «Айно» с большим искусством и вкусом хранит народные традиции. Способ пения проявляется в богатстве нюансов. «Айно» — часть карельской культуры, в ее песнях — любовь к родному краю, к жизни».

В Каяни проходили торжества в честь эпоса «Калевала», в которых приняли участие известные финские ученые и исследователи народного творчества. А потом на сцену вышла наша «Айно» в нарядных карельских сарафанах — красавица да и только! Об этом говорили зрители. Но суть все-таки в песне. Какая она, понятна ли слушателям? Конечно, участницы ансамбля волновались. «Онко каунис Карьяла», вепсская «Жил-был Гришка», шуточная финская «Ворона», поморская «Рябина», карельская «Отин кантелен», «Сойттау Вейкко балалайкал» — все эти песни принимались тепло и радушно. Успех был

полный. Люди разных возрастов и профессий проявляли живой интерес к песенному искусству Карелии. Так было и в Каяни, и в Кеми, и в Варкаусе, и в местечке Кухмо.

Новым друзьям в Финляндии участницы «Айно» оставили в память о встречах диски с записью своих голосов, сборники песен нашего края. Песня сближает сердца людей, финны назвали «Айно» посланцем мира.

Да, искусство не знает границ. Вот и сейчас, когда пишутся эти строки, певцы, музыканты и танцоры «Кантеле» выступают в Молдавии и на Украине. Это своеобразный отчет карельских артистов в братских республиках накануне великого праздника — 60-летия образования Союза ССР.

Мне тоже предстоит ответственная работа: я получил предложение принять участие в записи и съемках фильма по мотивам «Калевалы» в Финляндии.

А совсем недавно мы с певицей Валентиной Лашиной побывали в Кижях. Выступления наши проходили, в зависимости от погоды, то под открытым небом, то в одном из музейных строений — доме Яковлева.

Привычно кладу на колени кантеле и начинаю перебирать струны — льются северокарельские свадебные мелодии, то грустные, то игривые. С волнением рассказываю слушателям о чудо-инструменте, каково во всем свете не сыщешь, о нашем ансамбле, наследующем музыкальные и поэтические традиции народа.

Потом Валентина начинает свою песню. Голос у нее озерной чистоты, и задора ей не занимать. Слушают туристы из разных уголков нашей Родины и из-за рубежа пес-

ни карельские, финские, вепсские. Над Онего-озером разносятся «Русской нейчут», «Лебедь Калевалы», «Петух и куры», «Садила я цветочки», «Кольбельная».

Двенадцать дней мы провели на знаменитом острове. Концерт за концертом, по два-три ежедневно. Слушатели говорили нам, что «музыкальное приложение» к экскурсии надолго запомнится им. А еще они писали в строках отзывов: «Выступление артистов из ансамбля «Кантеле» не только логично, но и необходимо, чтобы полнее почувствовать волшебное очарование Карелии» (Группа туристов из Москвы); «От всей души благодарим за прекрасное выступление, в котором вы раскрыли нам культуру северного народа» (Делегация Чехословацкой республики); «После услышанного в Кижях мне еще ближе, знакомее стали Карелия, ее народ» (А. Угланов, участник фольклорного ансамбля «Русь» из Москвы). Наши выступления на острове Кижы заинтересовали туристов из далекого Петропавловска-Камчатского, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Таллина и финского города Пори, сотрудников посольства Швейцарии в Москве. Мы были счастливы от сознания столь высокой оценки нашей актерской миссии.

Струны волшебного кантеле! Поэтичность народной песни! Нет для них ни языковых барьеров, ни каких-либо вкусовых ограничений. Музыка наша нужна людям — пожилым и молодым, серьезным и веселым.

Старый, мудрый Вяйнямейнен слагал руны о калевальцах. То были поэтические легенды. Сегодняшние калевальцы, артисты карельского ансамбля «Кантеле», слагают новые руны — о реальной жизни

советского народа, о родном карельском крае, о счастливых переменных в его судьбе.

«Кантеле»—подлинный ансамбль дружбы. В год 60-летия образования СССР это его качество ощущается особенно остро. Ансамбль

встретит этот большой праздник новой программой, в которую включены многие произведения братских народов СССР. В большом праздничном концерте идеи патриотизма, интернационализма, дружбы народов прозвучат на высокой ноте. Это главный концерт года.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Предисловие к судьбе	4
Наследники Вяйнямейнена	5
А дальше что?	8
Кантеле сражается	9
Мы мечтою о мире живем	13
Эта ласковая, звонкая «Айно»	15
Тойво и Сиркка	18
Василий Иванович и «бабушка Хельми»	21
Эйла и Эрик	27
Вспомнить поименно	29
На калитки	31
Что у вас, ребята, в рюкзаках?	33

Максим Иванович Гаврилов
ПОД МУЗЫКУ СЕВЕРНЫХ РУН
(Из воспоминаний артиста)
Литературная обработка Э. А. Копылова

Редактор Д. И. Шехтер
Художник В. О. Поляков
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор Э. С. Иванова
Корректор В. М. Фофанова

ИБ № 1125

Сдано в набор 14.07.82. Подписано в печать 05.10.82. Е-04541. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Журнальная рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,93. Усл. кр.-отт. 3,37. Уч.-изд. л. 2,63. Тираж 5000 экз. Заказ 2412. Изд. № 110. Цена 25 коп.

Издательство «Карелия», 185610, Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1
Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Гаврилов М. И.

Г 12 Под музыку северных рун. (Из воспоминаний артиста). Лит. обработка Э. А. Копылова.— Петрозаводск: Карелия, 1982.— 39 с., ил.

Автор книги — заслуженный артист РСФСР и Карельской АССР Максим Гаврилов — один из старейших кантеллистов Карелии. Более четырех десятилетий работает он в ансамбле «Кантеле». Его воспоминания — своеобразный итог проделанного пути, размышления о путях развития карельской музыкальной культуры, основанной на народном творчестве, рассказ о друзьях-товарищах по искусству, для которых автор находит точные и проникновенные слова.

Г 490500000—105
М127[03]—82 83—82

85.23[2Р — 6К]